

М.М. Бандиленко

ИОАНН ЕВГЕНИК И ПРЕДСТАВИТЕЛИ СЕМЬИ АСАНОВ

Иоанн Евгеник, видный писатель и политический деятель первой половины XV в., был хорошо известен в высоких интеллектуальных кругах Константинополя, Трапезунда и Мистры. Среди его знакомых и друзей по переписке мы находим не только знаменитых представителей интеллектуальной элиты, но и членов императорских династий Палеологов и Комнинов, а также болгарской царской фамилии Асеней и мангупского княжеского дома. В настоящей работе мы рассмотрим отношения Иоанна Евгеника с представителями семьи Асанов. Нам известны три послания, адресованные членам этой семьи, а также утешение и эпитафия. Это весьма специфический источник, при работе с которым необходим особый подход. Для исследования уровня и форм отношений Иоанна Евгеника с его адресатами нами использованы следующие данные:

1. Возможные контакты автора и адресата.
2. Характер послания, типология.
3. Формы обращения, словоупотребление.

Одним из знакомых Иоанна Евгеника со времен учебы его в Мистре, его покровителем и адресатом, был Матфей Асан, происходивший из болгарской царской фамилии Асеней. Отец Матфея, Павел Асан, с 1438 по 1440 г. управлял Константинополем, в 1441 г. он вместе с дочерью Феодорой перебрался на Пелопоннес, где и умер в 1442 г.¹ Матфей Асан принадлежал к ближнему окружению деспота Димитрия Палеолога, седьмого сына императора Мануила II, правителя Лемноса (1429–1430, 1447–1448), Месемврии (1441–1442), а с 1449 г. – морейского деспота². В 1423 г. Матфей Асан сопровождал в качестве посланника Димитрия в Венгрию к королю Сигизмунду, в 1449 г. он отправился за Димитрием на Лемнос, а затем и в Морею³. В 1441 г. Димитрий Палеолог женился на сестре Матфея, Феодоре Асанине, и стал не только его господином, но и родственником.

Косвенные данные переписки позволяют предположить, что Матфей Асан вместе со своим господином – Димитрием – принимал участие в платоновских штудиях и был знаком с участниками “ближнего” кружка Плифона, в том числе и с Иоанном Евгеником. В частности, Асан был адресатом учеников Плифона Георгия Схолария и Франческо Филельфо⁴. Нам известно письмо Иоанна Евгеника Матфею Асану, отправленное зимой 1448/1449 г. из Константинополя на Лемнос или же на Пелопоннес с просьбой о помощи и уведомлением о предполагаемой весной встрече⁵. Это письмо можно уверенно охарактеризовать как дружеское послание с традиционной структурой и формуляром (основные формулы – “филофронесиса (дружелюбия)”, и “потребности общения”). Именно так его называет и сам автор: “прими ны-

¹ PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 144. № 1518.

² PLP. 1989. Bd. 1/9. S. 142. № 21454.

³ PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 142. № 1508; *Zakythinos D.* Le despotat de Morée. Athen, 1957. P. 110.

⁴ PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 142. № 1508.

⁵ Par. Gr. 2075, f. 324 // ПП. I. Σ. 205–206.

не краткое дружеское послание (δέχου καὶ νῦν βραχὺ τὴ φιλίον πρόσφθευμα). Используются типичные для такого вида посланий обращения: “светоч”, “великолепный, славный, ревностный и преданный восхвалитель хорошего”, “прекраснейший”. Иоанн Евгений называет Асана “самым благосклонным из друзей” и обращает к нему просьбы “остановить преследующих нас и добиться прекращения гонений на нас”. Но вместе с тем адресат письма “пребывает на высоте своего благородного и необыкновенного положения”, и поэтому письмо Евгеника лишено какой бы то ни было фамильярности, напротив, себя он называет “простым и малым”, а высокопоставленного адресата, к тому же еще высокородного, просит “снизойти до малых, соизмерить себя с низшими и разделить участь слабых”.

Но все же нет сомнений, что Асан был хорошим другом Иоанна Евгеника: не случайно ему в числе прочих друзей, кстати, не столь высокопоставленных (таких, как пелопоннесский епископ Серапион, афинский протосинкел Нил и др.), Евгений посылает такое частного характера письмо с уведомлением о визите, не случайно называет общение с Асаном “единственным утешением и облегчением”, без которого «все прекрасное на свете – это второе плавание (δεύτερος πλοῦς, в значении “неудача, фиаско”)). Даже если большую часть подобных высказываний отнести за счет традиционного и необходимого в подобном случае филофронесиса, они все равно свидетельствуют о существовании дружеских отношений между Иоанном Евгеником и Матфеем Асаном.

Несомненно, Иоанн был знаком и с сестрой Матфея, женой деспота Димитрия Феодорой Асаниной Палеологиней. Интересно, что в обоих известных нам посланиях, адресованных деспоту Димитрию и носящих официальный характер, мы находим упоминание его жены Феодоры и комплименты в ее адрес. Это уникальный случай: ни в одном письме, личном или официальном, адресованном трапезундскому императору Иоанну IV, деспоту Давиду Комнину, императору Константину XI, деспоту Феодору II Палеологу, мы не найдем упоминания об их женах. Ни первая, ни вторая жена Константина Драгаша Палеолога не могла быть упомянута в послании Константину, написанном в 1448 г.: Феодора (Магдалена) Токко умерла в 1429 г., Екатерина Гаттилузи – в 1442 г. Но супруга деспота Феодора II Палеолога, Клеопа Малатеста Палеологиня, умерла в 1433 г., тогда как трактат Иоанна Евгеника “Памятный совет об исправлении жизни и начале управления в соответствии со Христом, адресованный деспоту киру Феодору багрянородному, когда возжелал [принять] монашеский обет”⁶ был написан около 1427 г. и послание “Посвящение”⁷, вероятно, тоже можно датировать этим временем. Супруга деспота в них не упоминается, более того, нам неизвестна ни монодия, ни соболезнование Иоанна Евгеника по поводу ее смерти, хотя известны монодии Клеопе Палеологине, написанные друзьями Евгеника Димитрием Пепагоменом⁸, Никифором Хилой⁹, Виссарионом¹⁰ и даже самим Плифоном¹¹.

Трапезундский деспот Давид Комнин первым браком был женат на мангупской княжне Марии. Нам известны две монодии Иоанна Евгеника – ее племяннику Алексею (1446)¹² и ее брату, мангупскому князю Иоанну (1447)¹³, которые свидетельст-

⁶ Par. Gr. 2075, f. 199r–226v // ПП. I. Σ. 67–111.

⁷ Par. Gr. 2075, f. 230r–v // ПП. I. Σ. 115–116.

⁸ Schmalzbauer G. Eine bisher unedierte Monodie auf Kleope Palaiologina von Demetrios Pepagomenos // JÖB. 1971. Bd. 20. S. 223–240.

⁹ ПП. I. Σ. 144–152.

¹⁰ Ibid. Σ. 154–169.

¹¹ Ibid. Σ. 161–175.

¹² Ibid. Σ. 215–218. Перевод см.: Спиридонов Д. С. Заметки из истории эллинизма в Крыму // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2. С. 98.

¹³ Lampros S. // NE. 1908. № 5. Σ. 240–242. Принадлежность этой эпитафии перу Иоанна Евгеника и посвящение ее именно князю Иоанну Мангупскому доказано А. Сидерасом, см.: Sideras A. Zum Verfasser und Adressaten einer anonymen Monodie // Byzantion. 1984. LIV / I. P. 300–314.

вуют о наличии дружеских связей Иоанна Евгеника с мангупским княжеским домом. Тем не менее в письмах Давиду мы не найдем упоминания о Марии, и нам неизвестна монодия или соболезнование по поводу ее смерти (умерла в 1450/51 г.).

Учитывая приведенные примеры, мы можем убедиться в особом отношении Иоанна Евгеника к Феодоре Асанине. Прежде всего, в обоих посланиях, адресованных деспоту Димитрию, она названа “царицей” (Βασιλίσσα), тогда как ее муж называется не “царем”, но, как и положено, “деспотом (δεσπότης)”. Примечательно, что также “царицей” Феодору Асанину величает и Георгий Схоларий¹⁴. В послании “Славословие Богу о церковном исправлении”¹⁵ Феодора названа “прекрасной помощницей” супруга, “благочестивой и богоприятной госпожой нашей”, а также “третьей и новой Феодорой” (подразумевается, что первой Феодорой, сыгравшей значительную роль в истории Византии, была жена императора Юстиниана (?–545), второй – императрица Феодора, вдова императора Феофила, управлявшая за своего малолетнего сына Михаила III (842–867), при которой в 843 г. было восстановлено иконопочитание) и ставится в один ряд с праматерью Евой и Богородицей. Необходимо оговориться, что “Славословие...”, вероятнее всего, подготовительный экземпляр речи, произнесенной Иоанном Евгеником перед деспотом Димитрием и Феодорой, т.е. его можно считать адресованным обоим супругам.

Второе послание “Деспоту по поводу церкви Христовой предложение”¹⁶ адресовано только Димитрию, но, тем не менее, в нем также упоминается Феодора – “святая госпожа”, “истинная твоя помощница”, “богоданная и благочестивая правительница наша”, которая вместе с деспотом помогает Иоанну Евгенику, в то время уже митрополиту Лакедемонии, в его устремлениях, как это следует из текста послания.

Исходя из внимания, которое уделяет Феодоре Асанине Иоанн Евгеник, и учитывая, что именно ее он называет “царицей”, мы можем определить адресата письма, в инскрипте которого значится “сестре царицы”¹⁷: вероятнее всего, это сестра Феодоры Симонины Асанины Палеологиня. О ней нам известно лишь, что она была монахиней на Пелопоннесе (прибыв туда и Константинополя скорее всего вместе с сестрой и отцом в 1441 г.) между 1452 и 1464 гг.¹⁸ Симонины была адресаткой Схолария и несомненно состояла в переписке с Иоанном Евгеником, как это следует из прооимона известного нам письма Иоанна, адресованного ей. Само письмо представляет собой дидактическое послание с рассуждениями на тему Успенского поста, но, тем не менее, оно содержит высказывания, позволяющие сделать вывод о существовании дружеских отношений между Иоанном Евгеником и Симониной, например: “ежечасно Божьей милостью мы друг друга видим мысленными [очами] и [друг за друга] молимся и посредством искренней любви духовно радуемся” и об их личных встречах, хотя и очень редких: “я долгое время не видел тебя телесными очами, богоукрашенная госпожа моя”.

Исходя из соображений, что именно Феодору Евгеник называет “царицей”, мы можем сделать вывод, что послание “Того же самого царице утешение (Τοῦ αὐτοῦ τῆ βασιλίσσει παραμυθητικόν)”¹⁹ адресовано Феодоре Асанине Палеологине. Утешение написано по поводу смерти матери Феодоры, Матфея и Симонины, жены Павла Асана. Имя ее установить не представляется возможным, поэтому мы будем называть ее Асанина. Поскольку в послании упоминаются “страх от латинян” и “советы икономов”, то написано оно после 1439 г., а следовательно, не могло быть адресовано жене Иоанна VIII Марии, мать которой, трапезундская императрица Феодора Кантакузина Комнина, умерла еще в 1426 г. В соболезновании упоминается су-

¹⁴ Медведев И. Мистра. Л., 1971. С. 99.

¹⁵ Par. Gr. 2075, f. 314r–315v // ПП. I. Σ. 184–187.

¹⁶ Par. Gr. 2075, f. 312r–317v // ПП. I. Σ. 176–182.

¹⁷ Par. Gr. 2075, f. 313r–v // ПП. I. Σ. 182–184.

¹⁸ PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 145. № 1534.

¹⁹ ГИМ № 440. Л. 54 об.–56 // ПП. I. Σ. 62–66.

пруг адресатки – деспот, который присутствовал при кончине тещи (“твой супруг и деспот, мою молитву в последних вздохах благородно по жребию принявшее вселюбимейшее дитя”). Вряд ли Константин Палеолог мог присутствовать при смерти матери своей второй жены – Екатерины Гаттилузи. В то же время мы знаем, что тесть Димитрия Палеолога, Павел Асан, вместе со своей семьей перебрался из Константинополя на Пелопоннес в 1441 г.

Таким образом, нет сомнений, что утешение адресовано именно Феодоре Асанине Палеологине, и в таком случае может датироваться временем после 1448 г., когда Димитрий стал морейским деспотом. Сведения, которые мы можем почерпнуть из этого послания, касаются прежде всего чувств Феодоры к матери (“ты восхищалась ею, и почитала ее необыкновенно, и только что не дышала ею”) и ее дочерней скорби (“[после ее смерти] такой же ты увлеклась печалью и слезами и столь великим гнетом ты теснима и стенаниями... больше многих страдаешь и печалишься по этому поводу, и плачам и горестным восклицаниям бесчисленным саму себя предаешь и слезам”). Кроме того, Евгений упоминает, что Асанина перенесла смерть сыновей, умерших, очевидно, еще в младенческом возрасте (“по поводу умерших прежде, увы, сыновей, слезы”), что в преклонном возрасте приняла постриг (“всецело предалась ангельскому чину и заботу о смерти важнейшей частью жизни сделала”) и, как уже было сказано, зять усопшей присутствовал при ее кончине. Все это свидетельствует, по нашему мнению, о том, что Евгений был хорошо осведомлен о жизни своей адресатки и ее родственников. Это обстоятельство, так же, как и то, что утешение – самое, на наш взгляд, эмоциональное произведение Евгеника в этом жанре, – пронизано искренним желанием автора помочь утишить скорбь адресатки, говорит о близкой дружбе Иоанна Евгеника и Феодоры.

В нашем распоряжении имеется письмо Иоанна Евгеника, инскрипт которого “того же самого – брату царицы”, прескрипт – “приветствие”²⁰. Послание относится к типу риторических, составлено как беседа-гомилия, сам Иоанн называет его “речью (λόγος)”. Кроме инскрипта, сам текст письма свидетельствует, что адресовано оно высокопоставленному человеку и члену знатной фамилии: Иоанн Евгений употребляет такие обращения к адресату, как, например, “твоя светлость”. Согласно тексту письма, адресат – антиуниат, поскольку он “страдает за общее дело”, чтобы “одержана была прекраснейшая победа, желанная нашим отцам”, а значит, написано оно было после Флорентийской унии. Из инскрипта нам известно, что адресат – брат некоей царицы. Наша задача – выяснить, какая именно царица имеется в виду, а затем установить и имя самого адресата.

Императрицу Марию Комнину Контакузину Палеологиню, третью жену Иоанна VIII, следует сразу исключить: ее братьями были трапезундский император Иоанн IV Комнин, деспот Давид Комнин и Александр-Скантарий, изгнанный в 1429 г. из Трапезунда своим старшим братом. Первые два были адресатами Иоанна Евгеника, но едва ли можно предположить, что адресованное им послание не содержало бы имен и титулов. Кроме того, сама Мария умерла в 1439 г., сразу после заключения унии. Вторая жена деспота Константина Драгаша, Екатерина Гаттилузи, умерла через год после заключения брака, в 1442 г., и явно не успела установить связи в морейском деспотате. К тому же, если у нее и были братья, вряд ли кто-то из них мог быть знаком с Иоанном Евгеником. Жена Феодора II, Клеопа Малатеста (умерла в 1433 г.), исключается нами по той же причине. Итак, единственный возможный вариант – Феодора Асанина, жена деспота Димитрия. Как упоминалось выше, Иоанн Евгений неоднократно называет ее “царицей”. Таким образом, можно сделать вывод, что рассматриваемое нами послание адресовано брату Феодоры Асанины, а значит, не кому иному, как уже знакомому нам Матфею Асану.

²⁰ Par. Gr. 2075, f. 316r-v // ПП. I. Σ. 188–189.

Более того, если мы сравним рассматриваемое послание с письмом Асану, о котором речь шла выше, чем обнаружим схожие формы обращений, такие, как “светоч” и “любитель прекрасного”. Источники скрытого цитирования в обоих посланиях относятся к античной литературе, в первом случае – “речи... тебя приветствуют, ... воспевают гимны и славят слово блистательного героя граждане благородные” (античный источник не установлен), во втором – “без тебя все прекрасное на свете – это второе плавание”²¹. В “Приветствии брату царицы” Иоанн Евгений рисует образ идеального правителя: в его представлении, правитель должен быть “всем приятным”, “кротким”, “любителем прекрасного, словес и чести”, “соучастник воспитанности своих граждан”. Одной из важных черт, по мнению Иоанна Евгеника, является красноречие: “установив слово в качестве повелителя и истинного вождя”, правитель должен использовать силу слова и для обличения ослушников и для “благодарности” и “награды” верным. И, кроме прочего, истинный правитель должен быть облечен “благодатью Бога”. Именно такой правитель, подобный “античному герою”, “имеет справедливый почет и похвалы, и рукоплескания всего народа”.

Мы не знаем, насколько соответствовал Матфей Асан образу, нарисованному Евгеником, однако известно, что с 1454 г. он был наместником Коринфа и пытался защитить город от турок. Но в 1458 г. он по личной инициативе сдал город Мехмеду II, поскольку понял, что дальнейшее сопротивление бесполезно и лишь причинит лишние страдания коринфянам. Принадлежа к туркофильской партии, он сыграл далеко не последнюю роль в сдаче Мистры 30 мая 1460 г.²² Несомненно, комплименты, расточаемые в адрес адресата, были не случайны. И дело, конечно, не только в том, что Асан оказывал покровительство и помощь опальному писателю. Вряд ли стоит сомневаться, что Асана и Иоанна Евгеника связывали давние и теплые отношения, которые распространялись не только на него самого, но и на всю его семью, как мы это уже выяснили. Безусловно, Иоанн Евгений знал и отца Матфея, Павла Асана, не зря он называет Матфея “хорошего корня прекрасный плод”.

Одна из эпитафий Иоанна Евгеника посвящена некоему Исааку Асану – “На могилу Асана кира Исаака и его внуки во время пребывания в [монастыре] Филантропе”²³. Об Исааке Асане нам известно немного: родственник (дядя – *θεῖος*) императора Мануила II Палеолога, около 1400 г. он занимал высокую должность епарха Константинополя, в 1420 г. был послом к туркам, умер около 1429 г. будучи монахом монастыря Филантропа, где и был похоронен²⁴.

Чуть больше сведений представляет сама эпитафия. Иоанн Евгений упоминает о царском родстве, называет Исаака отпрыском “от благородного корня и от ветви царских кровей”. (Показательно, что в аналогичной форме Евгений характеризует происхождение княжича Алексея, сына мангупского князя Иоанна, в “Эпитафии княжичу”). Судя по упоминанию в эпитафии о том, что почивший был “взращен в царских домах”, возможно, Исаак действительно воспитывался при императорском дворе. Благодаря своему положению и воспитанию, он “быстро достиг наивысшей славы” и сменив несколько “властных должностей (*ἀρχὰς ἀμείβων*)”, в конце концов, будучи епархом Константинополя, “блистательную области славу устроил в великом этом городе”, и “на пороге старости [между 1420 и 1429 гг.] принял монашеский постриг”. Далее, автор эпитафии сообщает нам, что вместе с Исааком похоро-

²¹ Выражение заимствовано у Менандра, в переносном смысле – “неудача”. См.: *Menander. Reliquiae* / Ed. A Koerte. Lipsiae, 1959. Fr. 205(241).

²² *Zakynthos D.* Op. cit. P. 110.

²³ Ἐπιθική Βιβλιοθήκη Ἀθηνῶν, αἰῶνος, ιε'. 1075. Φ. 109β–110α. Βιβλιοθήκη τῆς ἐν Μακεδονίᾳ μονῆς Ἐκκοσιφοίνισσης, αἰῶνος ιε', 192, φ. 74β–75α // Παπαδοπούλου-Κεραμεύς Ἀθ. Ἀνέκδοτα ἑλληνικά συγγράματα, ἔγγραφα τε καὶ ἄλλα κείμενα κατ' ἐκλογὴν συλλεγόμενα ἐκ τῶν ἐν τῇ Μαυρογορδατεῖῳ βιβλιοθήκῃ ἀναγραφόμενων χειρογράφων. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1884; см. также: ПП. I. С. 211–212.

²⁴ PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 139. № 1493.

нена и его внучка, “дочь любимой дочери” и “мужа наиславнейшего, Филантропина великого”. Зятем Исаака Асана был синклитик Георгий Дука Филантропин²⁵. Внучка Исаака умерла скорее всего в подростковом возрасте, так как Иоанн Евгеник называет ее не “дитя (παῖς)”, как, например, умершего во младенчестве мангупского княжича Алексея в “Эпитафий княжичу”, но “дева (κόρη)” и сожалеет о том, что усопшая девушка находится “под тяжелым камнем” вместо “брачных чертогов”, следовательно, “в юном пребывавшая возрасте”, она не успела выйти замуж, и, возможно, умерла в возрасте около 14 лет.

Мы не случайно упоминаем “Эпитафий княжичу”: очень интересным и, надо признаться, не вполне понятным представляется то обстоятельство, что эпитафий Исааку Асану очень сходен с эпитафием мангупскому княжичу Алексею, более того, 14 из 39 строк эпитафия Асану дословно совпадают с эпитафием Алексею. Писатель использовал аналогичный прием: упрек художнику, изобразившему (очевидно, на надгробном камне) лишь внешнее совершенство усопшего и свое намерение словами описать его внутреннюю красоту, достоинства и заслуги. Значит ли это, что удачные обороты в одном эпитафии, посвященном знатному и, вероятнее всего, малознакомому автору лицу, Евгений использовал затем в другом эпитафии при подобных обстоятельствах? Опыт исследования эпистолярного наследия Иоанна Евгеника показывает, что писатель нередко позволяет себе несколько раз “эксплуатировать” наиболее удачные обороты в разных письмах, адресованных, конечно, разным людям. Подобное сходство в эпитафиях указывает, возможно, на формальный характер одной из них (той, что была написана позже).

Необходимо отметить, что рассматриваемый эпитафий Асану некоторыми исследователями приписывается перу старшего брата Иоанна, Марка Евгеника²⁶. Но несомненное сходство эпитафия Асана с эпитафием княжичу Алексею, в то время, как авторство последнего не вызывает сомнений, является неопровержимым доказательством того, что автором эпитафия Иоанну Асану был все же не Марк, а Иоанн Евгеник.

Точно датировать этот эпитафий весьма сложно: конечно, он мог быть написан сразу после смерти Исаака Асана, т.е. около 1429 г., но, с другой стороны, поскольку инскрипт его включает оборот “во время пребывания в [монастыре] Филантропа (ἐν τῇ μονῇ τοῦ Φιλανθρώπου)”, можно предположить, что Иоанн Евгеник создал этот эпитафий, попав в Константинополе в монастырь Филантропа и увидев там могилу некогда, очевидно, знакомого ему Исаака Асана, уже через некоторое время после его смерти. С определенной уверенностью можно заключить лишь, что этот эпитафий был написан не раньше 1429 г. и не позже, очевидно, 1438 г., когда Иоанн Евгеник покинул Константинополь, отправляясь на собор в Феррару, а потом был отправлен в ссылку на Пелопоннес и в Константинополе появлялся изредка и ненадолго. Когда в 1446 г., во время пребывания Иоанна Евгеника в Трапезунде, умер мангупский княжич Алексей и соответственно понадобился его эпитафий, Иоанн Евгеник использовал удачную форму написанного ранее эпитафия Асану. Мы склонны считать, что написанный первым и, следовательно, оригинальный эпитафий был создан под влиянием творческого порыва и раздумий над могилой, отсюда можно сделать вывод, что Исаак Асан был знаком Иоанну Евгенику, хотя никаких указаний на их возможные контакты нет, как невозможно и установить родственные связи Исаака Асана с прочими представителями этой семьи.

Косвенные данные позволяют нам выдвинуть осторожное предположение о возможных контактах Иоанна Евгеника с другими представителями семьи Асанов. Так, нам известно, что некий Димитрий Асан, наместник Коринфа (1444), Навплия (1448–1453) и Мухли (Пелопоннес, 1456–1458), был тестем Франко Аччайуоли и Ге-

²⁵ PLP. 1994. Bd. 1/2. S. 94. № 2976.

²⁶ Παπαδοπούλου-Κεραμείας 'Αθ. Ἀνέκδοτα ἐλληνικά... Σ. 103; См. также: PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 139.

orgia Амируци²⁷. Последний был другом юности и адресатом Иоанна Евгеника. Свой экфрасис Коринфа сам автор в заключении называет “прекрасному господину градодержавному подношение, городу же дар гостя”²⁸. Возможно, что под “градодержавным господином” подразумевается Димитрий Асан.

Некий Мануил Ласкарис Асан с 1438 по 1444 г. был наместником Имвроса²⁹, в то время как нам известен экфрасис Имвроса³⁰, написанный Иоанном Евгеником скорее всего в период его скитаний, и не исключено, что именно в промежутке между 1438 и 1444 гг. Иоанн Евгеник побывал на острове и познакомился с Мануилом Ласкарисом Асаном.

В любом случае, помимо упомянутых косвенных данных и построенных на них предположений, мы располагаем произведениями Иоанна Евгеника, которые несомненно позволяют нам сделать вывод о существовании прочных дружеских отношений Иоанна Евгеника с представителями семьи Асанов, имеющей непосредственные родственные связи с болгарской царской фамилией Асеной и византийской правящей династией Палеологов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[Иоанна Евгеника]

На могилу Асана кира Исаака и его внуки,
во время пребывания в [монастыре] Филантропа

[Γ'ωάννου τοῦ Εὐγενικοῦ]

Εἰς τὸν τάφον τοῦ Ἀσάνη κυροῦ Ἰσαακίου καὶ τῆς αὐτοῦ ἐγγουῆς,
ἐν τῇ μονῇ τοῦ Φιλαντρόπου

Но почему мне, о наилучший, образы тел
и просиявшую из них прелесть
и красоту неподражаемую описывая искусно,
при этом ты не описываешь ни души добродетели,
не показываешь ни благородство исконное
ни царское родство и державное положение,
столь великую награду блистательных достоинств?
Или уступаешь это слову для описания,
прекрасно поступая и разумно мысля?

Тогда мы расскажем, о чем ты, описывающий, умолчал.

[Почивший] есть отпрыск от благородного корня
и от ветви царских кровей,

зовется Исаак, из рода Асанов.

Взращенный блистательно в царских домах,

он быстро достиг наивысшей славы,

властные должности меняя, во всем отличаясь,

справедливый, пронизательный, деятельный, великодушный,

скромный, искренний, разумный, смиренномудрый,

открытый, свободный, приятный, исполненный прелести,

гармоничное воплощение всех добродетелей.

Наконец, блистательную славу области (τῆς ἐπαρχίας)

²⁷ PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 138.

²⁸ Wolfenbüttel, Gudianus 82, f. 165r-166v // ПП. I. Σ. 47-48.

²⁹ PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 142.

³⁰ Τοῦ νομοφύλακος Γ'ωάννου διακόνου τοῦ Εὐγενικοῦ εἰς τὴν ἰήσον Ἰμβρον ἐγκωμιστικὴ ἐκφρασις. Par. Gr. 2075, f. 231-232 / Froehner W. // Philologus. 1863. T. 20. S. 509-510; см. также: Boissonade Fr.J. Anecdota Nova. P., 1984. S. 329-331.

устривая в этом великом городе,
на пороге старости он оставил [мирскую] жизнь,
приняв монашеский постриг.
С другой стороны, возле него пребывает эта прекрасная дева,
дочь любимой дочери,
блистательной супруги мужа наиславнейшего,
Филантропина великого со стороны отца;
эта прямая опора рода,
звезда сияющая, увы, в море погрузилась,
да не было бы ошибок подобающих слов.
Эта [дева], пребывавшая в юном возрасте,
вместо супружеского ложа и брачных чертогов
находится здесь [под] этим тяжелым камнем;
совсем несозревшая перед небесами,
незапятнанной из жизни унесенная.
Наконец, в утешение, горя
рассказывают вместе родители о дедушке
и к надписи еще стихи здесь прибавляют.